

М.М. Лоевская

Воспоминания как документ эпохи

Аннотация: Обращение к прошлому – «исторической памяти» – приводит нас к осмыслению важнейших событий собственной и общественной жизни. По-разному одни и те же факты предстают в воспоминаниях, записках, мемуарной литературе. В отличие от биографии, воспоминания помогают самораскрытию духовного мира автора, дают оценку, пусть и субъективную, важнейшим историческим событиям, известным политическим и религиозным деятелям, делают повествование эмоционально-экспрессивным, психологически подробным. Воспоминания помогают не только сломать привычные стереотипы – исторические, культурологические, – но и по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные нам события.

Ключевые слова: воспоминания, репрессии, концлагерь, Алмазов, обновленчество, история Церкви

Abstract: Appeal to the past – to the «historical memory» – leads us to understanding the most important events of our own and public life. In different ways the same facts are interpreted in the memoirs, notes. In contrast to the biographies, the memoirs help us to open the spiritual world of the author, appreciate, albeit subjectively, the most important historical events, famous political and religious leaders produce; it makes the narrative emotionally, expressive, psychologically correct. Memories help us not only to break the usual stereotypes – historical, cultural, but also to offer a new look at the seemingly well-known to us the event.

Key words: memories, repression, concentration camps, Almazov, obnovenchestvo (renovationism), Church History

В 1997 г. издательство Крутицкого Патриаршего подворья выпустило в свет 13-ю книгу серии «Материалы по истории церкви» – воспоминания архимандрита Феодосия (Алмазова). С одной стороны, издание продолжает лагерную тему, которая долгие десятилетия была закрытой, «совершенно секретной» для читателей и запрещенной для любых публичных обсуждений.

Лишь в 1962 г., когда в «Новом мире» был опубликован «Один день из жизни Ивана Денисовича», А.И. Солженицыну удалось поведать миру правду о ГУЛАГе, где планомерно, целенаправленно истреблялись советские люди. Чудовищное зло оправдывалось необходимостью классовой борьбы, прикрывалось коммунистическими лозунгами, лживой пропагандой о строительстве «нового мира», «нового человека», «новой социалистической общности». Писатель первым обозначил проблему и поставил вопрос: «Этапы и могильники, этапы и могильники, – кто сочтет эти миллионы?» Вслед за Солженицыным многие писатели, прошедшие через эти этапы и уцелевшие, делятся своими воспоминаниями, раскрывая отдельные судьбы, каждая из которых стала составляющей огромного организма – ГУЛАГа и каждая стала зеркальным отражением системы государственного устройства, системы отношений в обществе. Арх. Феодосий (Алмазов) также предъявляет самый суровый счет бесчеловечной системе с непостижимыми уму законами (например, наказание за несодеянное преступление; награждение в тюрьмах арестантов за издевательство и глумление над другими арестантами; смягчение наказания и уменьшение срока за «пролетарское происхождение» и многие другие), превратившей тысячи и тысячи людей в бесправную рабскую силу.

С другой стороны, воспоминания архимандрита Феодосия (Алмазова) можно отнести к «возвращенной литературе». История его архива необычна: «3 января 1946 года в Москву из Чехословакии, на адрес Академии наук СССР, прибыл военный транспорт в составе девяти вагонов. В них, в 650 ящиках, Русский заграничный исторический архив – документы и материалы по истории России XIX – начала XX веков, о жизни и деятельности русской эмиграции в Европе, Америке и других странах. По мере разбора выявилось значительное число материалов, касающихся Русской Православной Церкви за границей. Среди этих материалов были найдены <...> воспоминания архимандрита Феодосия Алмазова. В фондах Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей нашлось и его личное дело»¹.

Лишь через полвека личное дело и воспоминания арх. Феодосия будут опубликованы². Архивные данные представляет собой достаточно скупой, официально-сдержанный рассказ с перечислением дат, событий жизни арх. Феодосия Алмазова (учеба, рукоположение, места служения, арест). Этот документальный материал, вне всякого сомнения, чрезвычайно ценен, но недостаток его заключается в том, что он скрывает от нас духовный образ личности, внутренний мир, переживания, борения, искания. Воспоминания этот «недостаток» восполняют. В отличие от биографии, они помогают самораскрытию духовного мира автора, дают оценку, пусть и субъектив-

¹ <http://www.evangelie.ru> В настоящее время воспоминания хранятся в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 73. Автограф). См. также: *Одинцов М.И.* От публикатора // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания: (Записки соловецкого узника) / Подг. текста и публ. М.И. Одинцова; примеч. и коммент. И.В. Соловьёва; О-во любителей церковной истории. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. С. 7–8. (Материалы для истории Церкви; кн. 13).

² Свои воспоминания архимандрит Феодосии написал в 1931–1933 гг., а в 1935 г. они поступили в Прагу, в Русский заграничный архив.

ную, важнейшим историческим событиям, известным политическим и религиозным деятелям, делают повествование эмоционально-экспрессивным, психологически подробным. Записки соловецкого узника освещают не весь жизненный путь арх. Феодосия, а лишь тот период, который стал для него и сотен тысяч русских людей годиною жестоких гонений и тяжелых испытаний – с 1917 по 1930 гг.

Во 2-й главе воспоминаний – «Очерк религиозно-церковной жизни в России (1917–1931)» – арх. Феодосий (Алмазов) подробно повествует о том, как в 1917 г. служил в храмах Петрограда, яростно боролся с обновленцами, которые, по его словам, «принизили, обмирщили небесный идеал христианства» (52)¹. Он беспощадно громит вождей «отщепенцев-живцов» и «обновленцев всех видов» – «новых представителей христианства», которые не только пошли на компромисс с властью большевиков, но и запятнали себя сикофанством² (доносы на своих идейных противников «живцы» ставят себе в заслугу); сервизмом (древний лозунг «Чего изволите?» стал главной линией поведения обновленческих лидеров); моральной нечистоплотностью. Отношение народа в «красной церкви» было открыто враждебным, даже заключенные отказывались у них исповедоваться. С сарказмом и не без удовлетворения арх. Феодосий пишет, что «христиане давно уже пропели этому “живому” трупу вечную память» (73).

Бывший лидер обновленцев еп. Антонин (Грановский) Живую Церковь называет «ассенизаторской бочкой», ее вождей – «жандармами в рясе», бывших сотоварищей – продажными тварями, публичными девками, шлюхами, добавляя и аввакумовские эпитеты, начинающиеся со второй буквы алфавита.

В какой-то степени арх. Феодосий соразмерен неистовому протопопу Аввакуму (хотя, полагаю, кому-то подобное сравнение может показаться слишком смелым в силу того, что это разные по масштабу дарования личности). Ни царь Алексей Михайлович, ни патриарх Никон не страшны протопопу, и того и другого он беспощадно осыпает резкими оскорблениями, насмехается, пренебрежительно называет царя «дурачищю», «безумный царишко», Никона – «злой вождь», «б... сын» – они «слуги антихристовы». Описание «бед адových» и борьба с ними с особой эмоциональностью проявляется в челобитных, посланиях и автобиографическом житии Аввакума. Тон их, как правило, резкий и вызывающий, а выражения грубые и зачастую режущие слух.

Так, и арх. Феодосий резко поносит своих политических и религиозных врагов, при этом он позволяет себе антисемитские выпады, саркастические выражения, порой ему не хватает религиозной корректности, сдержанно-

¹ *Феодосий (Алмазов), архим.* Мои воспоминания: (Записки соловецкого узника) / Подг. текста и публ. М.И. Одинцова; примеч. и коммент. И.В. Соловьёва; О-во любителей церковной истории. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. 259 с. (Материалы для истории Церкви; кн.13). Здесь и далее номера страниц указываются в тексте (в скобках) по этому изданию. В цитатах сохранены авторская пунктуация и орфография. – *М.Л.*

² В своих воспоминаниях арх. Феодосий (Алмазов) упоминает книгу Александра Введенского «Церковь и революция», которую расценивает как «сплошной политический донос недоношенного экс-митрополита “Живой церкви” на деятелей Всероссийского Собора».

сти. Эмоции захлестывают целиком и полностью, так что уже не остается места любви, вместо нее злорадия и ненависть, которые вырываются из-под контроля, – сохранять равновесие становится невозможным. Сердце разрывается от гнева и скорби при воспоминании о том, как служил перед продырявленной пулями иконой святителя Николая: «Это матросы упражнялись в стрельбе, выявляя свою принадлежность к “святой Руси”» (40); как во время чтения Евангелия с папиромой в зубах комендант требовал «закрыть лавочку» (40). Сам архимандрит сознается, что характер у него горячий и проповеди его были «ужасны, смелы, дерзки». Он использует язвительные выражения, грубые насмешки над противниками: большевиков именуется не иначе как «орлами-стервятниками» (44), обличает «безбожный большевизм» (42). Не без гордости вспоминает, что поражений на диспутах он не знал, а речь на одном из них – в саду петербургской фабрики – вызвала «громовые рукоплескания», благодарные почитатели ему «целовали руки» (54–55).

Не удивительно, что арх. Феодосий расценивался властью как «злостный священнослужитель». Любое выступление против Живой Церкви, а тем более власти Советов воспринималось как «церковная контрреволюция»; с горькой иронией архимандрит замечает: «Поп – значит агитатор» (73), а это влекло за собой трагические последствия – доносы, вслед за ними аресты, издевательства, ссылки. Не миновала участь сия и Алмазова. За проповеди, речи, беседы, привлекавшие многих слушателей, а также обличения живоцерковников последовал арест, положивший начало тернистому пути арх. Феодосия.

В 1926 г. он будет арестован за «религиозную пропаганду», обвинен в шпионаже в пользу Польши (75) и, без вины виноватый, осужден на «три года каторжных работ» на Соловках (в заключении пробудет 2 года); летом 1929 г. этапирован в Нарымский край (южный район Томской области) в ссылку (с. Каргасок), откуда совершит побег в Томск, далее по железной дороге – в Бессарабию; переплыв пограничную реку Днепр, арх. Феодосий окажется за рубежом, в эмиграции: «Я ждал смерти на далеком севере, а Господь благословил жизнь на горячем юге. Слава Господу!» (84)

Практически сразу после побега, можно сказать, «по горячим следам», арх. Феодосий (Алмазов) приступает к описанию и осмыслению пережитого. В своих воспоминаниях с подзаголовком «Записки соловецкого узника» он не только описывает историю собственных злосудных и страданий, но также волнующие его явления политической и религиозной жизни, дает необычные и неожиданные характеристики многим известным историческим личностям.

Своеобразие композиции воспоминаний заключается в нарушении хронологии событий при расположении шести глав. Также бросается в глаза диспропорция глав и их названий¹. Следует отметить, автор намеренно нарушает

¹ Сравн.: гл. I – «Побег» и гл. V – «Отношение христианской культуры и ее насадителя, руководителя и хранителя Христианской Церкви к богоборческой коммунистической власти – насадителю материалистической культуры. Возможно ли между ними “мирное” сожительство как в России, так и в международном масштабе?».

хронологическую последовательность изложения: в первую очередь, он пишет о главном – спасении из ада, о том, как смог вырваться из «львиных челюстей». Он признает, что «систематические и хронологические методы переплетаются иногда причудливо»; осознает, что его будут упрекать в том, что записки «с технико-литературной стороны не являются ни систематическим изложением материала, ни хронологическим» (28). Так оно и случится. Биографы архимандрита будут отмечать «сбивчивость», «тенденциозность» воспоминаний, объясняя их «весьма посредственными литературными дарованиями» арх. Феодосия¹. На наш взгляд, в воспоминаниях наиболее ярко проявилось личностное начало автора, который предстает как человек с сильной волей, независимый, бескомпромиссный, но со сложным, неумным характером. Стремясь выразить те чувства, которые владеют его душой, он прибегает и к просторечиям («рыльце в пушку»; церковь теснят «не дубьем – а рублем»), и разговорной интонации («чай, думаю...»), и бранной лексике («шкурники»), не раз прерывает собственное повествование. Порывистый, взволнованный, насыщенный едкой иронией стиль повествования объясняется психологическим состоянием автора, воспоминания бередают душу, вызывают неутраченную боль: «Ужасно, лучше забыть, забыть...» (14).

По собственному выражению, он тринадцать лет «гнил в разложившейся России», поэтому всей душой ненавидит «хамствующий коммунизм» (36) и «чванливых коммунистов», презирает этих «пачкунов проклятых», «сорок короткохвостых» (23); злорадствует, что обманул «глупых коммунистов», с яростью проклинает Советскую власть – «Будь ты проклята, Совдепия!» (26), «творцов» Октябрьского переворота – «Да будут творцы ее прокляты!» (84), большевиков – «Да будете большевики прокляты!»; озлобленность интонаций, резкость и грубость выражений придают повествованию эмоциональную экспрессивность и психологическую напряженность.

Отдельные исследователи трагического периода гонений на Русскую Церковь отмечают фактические неточности в воспоминаниях арх. Феодосия, касающиеся как отдельных исторических событий, так и некоторых лиц². Сам автор утверждает, что главной при описании для него являлась «верность действительности» (129), а записки свои он считает заслуживающими абсолютного доверия. Себя же арх. Феодосий характеризует как «лицо умеющее видеть, слышать и наблюдать, ко всему подходить с критической оценкой». Он предупреждает, что «подробности объяснять не следует. Всё описывается... верно, но из-за умолчаний кое-что может показаться непонятным. Ничего не подделаешь: надо оберегать других» (15).

Следует заметить, многие воспоминания как известных, так и мало известных людей нередко обходят молчанием многие трагические события жизни в большевистской России. Причина тому, как правило, одна – опасение принести нечаянное зло другим. Так, епископ Вениамин (Милов), наместник Покровского монастыря, опасался, чтобы его записки не попали в чужие руки и

¹ Соловьев И. Предисловие // Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. С. 3.

² Там же.

тем самым не послужили косвенным доносом на кого-либо. О событиях собственной жизни владыка упоминает выборочно: кратко описывает ужасы тюрем, этапов и лагерей, выпавших на его долю. При этом он никого не осуждает, не проклинает, лишь благодарит Бога за посланные испытания: «Господь научил меня – сибарита и любителя спокойной жизни – претерпевать тесноту, неудобства, бессонные ночи, холод, одиночество, показал степени человеческого страдания»¹. Этой духовной мудрости мы не найдем у непримиримого архимандрита, – напротив, он проклинает, проклинает, проклинает.

Центральное место в его воспоминаниях занимают Соловки, куда, по словам арх. Феодосия, стали ссылать «нежелательные элементы»: «правлящий класс», «свободомыслящую интеллигенцию», «состоятельные элементы» (75) – для истребления; «рабочих и крестьян, неповинующихся каторжному режиму». Однако бросается в глаза, что в этом перечне почему-то не упоминается священство... Некогда святой остров, где 500 лет не умолкали молитвы монахов известного всей России монастыря, превратился в остров «смерти, слез, горя, страданий и невыносимых работ». Соловецкой каторге посвящены конец 2-й главы («Ссылка в Соловки») и 3-я глава полностью («Соловки»).

Путь на Соловки начался с Кеми, куда в июле 1927 г. прибыл этап из 600 человек. На удивление, путь этот оказался не таким тяжелым: «везли без особых стеснений, в обычных пассажирских вагонах и обращение конвоя с арестантами... было внимательное. <...> Повезли нас в три часа утра, а в семь часов нас высадили в Соловках. И опять поместили в карантин тринадцатой роты. Она помещается в пристройке к главному собору и в самом соборе» (75). Следует пояснить, что тринадцатая (так называемая «карантинная») рота располагалась в Троицком соборе. Архимандрита разместили в «светлой комнате – бывшем правом приделе собора» (75). Судя по описанию камеры, он находился в Зосимо-Савватиевском приделе, где помещалось еще около 50 человек. Как правило, в течение нескольких недель «карантинников» отправляли на самые тяжелые работы: лесозаготовки и торфоразработки, – именно они унесли наибольшее количество жизней заключенных; оставшиеся в живых, становились инвалидами, калеками. Жестоко изнурительный каторжный труд оказался губительным для большинства заключенных. Первые четыре дня арх. Феодосия, «как старика, не беспокоили» (76). Он получил вторую категорию по трудоспособности, которой разрешалось не работать и получать «мертвый» паек (76). С удивительной точностью и скрупулезностью отмечается, сколько какой паек стоил: основной – 3 руб. 78 коп., трудовой – 4 руб. 68 коп., усиленный – 8 руб. 32 коп. (77); признается, что пайки работающих по надзору ему неизвестны, но предполагается, что они были во много раз больше других. Однако после доноса арх. Феодосию пришлось все-таки выйти на работу – «пустую, легкую и главное, нелепую, никому не нужную» (81) – собирать щепу на новой постройке. Через несколько дней он стал сторожем при этой самой постройке, затем счетоводом эксплуатационно-коммерческой ча-

¹ Епископ Вениамин (Милов) // Русь Святая. Календарь на 2001 год с житиями святых и подвижников благочестия XX столетия. М., 2000. С. 186.

сти, так как счетоводство «знал отлично и великолепно, безошибочно и быстро считал на счетах» (82); позже его назначили помощником делопроизводителя Главной бухгалтерии лагеря. «Работа в делопроизводстве мне понравилась» (81), – вспоминает арх. Феодосий. Однако после такого, казалось бы, «взлета» ему вновь пришлось стать сторожем: «работа... очень приятна – всегда на свежем воздухе, дела никакого» (82) – и охранять кузнецы, доки, склад с инструментами и... женский барак.

В бывшей монастырской Архангельской гостинице за забором и колючей проволокой был устроен женбарак. Первый этаж занимал «асоциальный элемент» – воровки и проститутки, второй – «благородные» обитательницы. Не без иронии арх. Феодосий замечает, что ему «больше, чем кому-нибудь другому, доверяли женскую часть» (84). Неоднократно ему приходилось становиться свидетелем жизненных драм, на его глазах женщины ночью убегали из барака на ночные свидания, а возвращались с какой-нибудь пирушки в лесу под утро «избитые, плачущие, растерзанные» (83). В лагере, по словам о. Феодосия, «процветала свободная любовь», но он не осуждает, не клеймит позором, но, напротив, с сочувствием относится к этим несчастным – «ведь это же живые люди» (83).

Порой арх. Феодосий неожиданно проявляет удивительную осведомленность о разных любовных историях, которым также уделяет внимание в своих воспоминаниях, так как они являются частью лагерной жизни: это и сцены ревности со слезами и истериками, громкие истории с показательным судом над обвиняемыми в «любовных преступлениях». Участницами этих историй являлись не только уголовницы, но и аристократки; например, Благова и Баранова, у которых мужья были расстреляны большевиками, «в Соловках увлекались любовью» (81); у последней был роман с командиром двенадцатой роты: «ему было 32 года, а ей – 22» (102). Возмущение вызывает Шепелев, который одаривал свою любовницу Лизу деньгами, пайками, отдал ей шубу, присланную женой, которая, помимо прочего, писала ему «милые письма» (87). Не обходит стороной арх. Феодосий и отвратительную, гадкую историю Юповича (заведовавшего собачником) с прачкой. Автор воспоминаний признается, что писать ему об этом омерзительно, но приходится, дабы «предметно разоблачать большевиков. Сослав этого мерзавца в Соловки, чекисты все-таки были с ним дружны и откровенны. Значит, подобные типы им нравятся и нужны» (106).

К подобным типам можно отнести «всякого коммуниста, попавшего в Соловки». Они сразу оказывались на административных или командных должностях. Но «наполняют они девятую роту» – «отверженных» (78). Условия их жизни значительно отличались от жизни других заключенных: они получали паек до 30 руб. в месяц, имели отдельный стол (одной из кухарок была княжна Гагарина), уборщиков; катались на лодке по Святому озеру, занимались спортом на спортплощадке, зимой – на катке¹. Они держались особня-

¹ Во отце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители / Сост. М.В. Осипенко. М., 2008. С. 239.

ком, не сходились с беспартийной массой, но и она относилась к ним брезгливо, инстинктивно их избегала, презирала за «комчванство» – и имела на то право! В большинстве своем проштрафившиеся партийцы были «прохвосты из прохвостов» (лесник Головацкий-Романенко), непорядочные и двуличные (начальник шестого отделения Сотников), негодяи-изверги (комендант Борисов, командир роты Шмидт).

Нелестно отзывается арх. Феодосий о монахах бывшего Соловецкого монастыря. Бывший ризничий – «большевизировавшийся» иеромонах Серафим – грубо обращался не только с заключенными священниками, но и с архиереями, до столкновений дело доходило у вл. Прокопия с заместителем обители (имя его и причины конфликтов не упоминаются). Автор не скрывает, что отношения даже между заключенными иерархами были зачастую недружелюбными и враждебными. Он не просто это констатирует, но пытается передать «соловецкую атмосферу, весь тамошний удушающий быт» (89).

Известно, что после создания лагеря особого назначения на Соловках часть братии в 1923 г. покинула остров, часть осталась. Согласно отчетам лагерной администрации, в 1926–1927 гг. пайки получали 116 бывших соловецких монахов, занятых на различных производствах¹. По воспоминаниям Алмазова, в 1928–1929 гг. вольных соловецких монахов было около шестидесяти, в основном старики, «у которых в миру не было уже родных, к которым они могли бы поехать на жительство» (98). Оставшиеся монахи, работавшие плотниками, столярами, слесарями, получали ничтожно малую плату – «не по тарифной сетке», так как они не являлись членами профсоюзов, поэтому многие из них содержались на средства заключенных епископов.

Однако и о заключенных иерархах арх. Феодосий отзывается весьма критично. Так, например, архиеп. Гавриил (Воеводин), по его оценке, бездарный; еп. Сергей – малообразованный; у еп. Григория характер неуживчивый и т. д. Со свойственной ему резкостью он обличает «никчемных рясоносцев»; претят ему «шкурничество церковного совета», ненавистна «советизированная русская церковь».

Епископат, по его мнению, проявлял «излишнее важничанье», «держал себя очень гордо с заключенным духовенством» (102). «В Соловках, как и здесь за границей, хотели знать себя владыкам» (100), – с горечью отмечает о. Феодосий. Обидным ему кажется, что, с одной стороны, с ним они обращались вежливо, с другой – для обсуждения общецерковных дел не приглашали. Отчасти это можно объяснить тем, что сам арх. Феодосий был человек не беспроблемный и владыки знали о его несдержанности в проявлении своих чувств. Он и сам признает, что даже на допросах держался вызывающе, был груб и резок с конвоем², однажды за украденную вещь избил «шпану»... (91) Как тут не вспомнить крутого нравом Аввакума, который в сердцах мог поколотить любого, так как всегда был горяч и «дратца лихой». Оба могли постоять за себя, оба были непреклонными и негибкими.

¹ <http://www.sakharov-center.ru>

² За это был отправлен в наказание в «отрицательную» роту – пять дней «ада кромешного».

Возмущает арх. Феодосия и то, что каждое утро в шестой роте – «святейшей»¹ – двенадцать-тринадцать иереев брали благословение у архиереев, что «при тесноте помещения составляло ненужную толкотню. Многие из иереев очень равнодушны были к оказанию внимания епископам. И правы были. Эти последние любили помогать светским более чем духовным» (102). Но искренне он восхищается «архиереями, достойно носящими свои шелковые мантии, иереями, смело и бодро смотрящими в глаза смерти, мирянами, честно исполнившими свой христианский долг защиты дорогих святых» (61). «Великой печалью для Русской Православной Церкви» называет он смерть патриарха Тихона, который стал «символом духовной мощи верующей России» (69). Ни на минуту не сомневается арх. Феодосий в том, что патриарх был злодейски убит – «умер от отравления, но не от приступа астмы».

К их числу своих «благодетелей» о. Феодосий относит архиеп. Илариона и Петра, епп. Антония, Василия, Григория (последний нуждался сам). Но он лишь сдержанно констатирует, что владыки ему помогали, не выражая особой признательности и благодарности. Наверное, это подразумевалось как бы само собой.

Арх. Феодосий не делает портретных описаний владык, но вспоминает отдельные эпизоды из их лагерной жизни: празднование Покрова Пресвятой Богородицы с преосвященным Иларионом – бывшим ректором Московской Духовной академии, на Соловках – лесником. Замечает, что «служба в лесничестве была привилегированной», работы было мало да и та без контроля. Сам арх. Феодосий в течение тринадцати месяцев занимался в лесничестве счетоводством и свое дело выполнял, по собственной оценке, блестяще. То есть из двух лет один год был проведен в относительно благоприятных (для соловецкой каторги) условиях. Во время празднования Покрова были «речи, яства, чай – уютно, назидательно и сытно» (93). Арх. Феодосий неоднократно вспоминает чаепития с архиеп. Иларионом и его неизменное гостеприимство. Также неоднократно он будет утверждать, что архиеп. Иларион (Троицкий) после двойного срока на Соловках (3 + 3), заразившийся тифом, в итоге был отравлен. Ссылаясь на книгу И.М. Зайцева, архимандрит высказывает предположение, что «ахиеп. Илариона пробовали отравить, но его сильный организм не поддавался яду. Очевидно, таковой ему был влит укол, когда он болел тифом в Петрограде и организм был ослаблен. Несомненно, архиеп. Иларион в Петрограде умер от отравления. Тиф, вероятно, был тоже искусственно привит помещением в одну камеру с тифозными» (106).

После отправки из Соловков священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) главой соловецкого православного духовенства ссыльными архиереями был избран архиеп. Петр (Зверев). Именно он возглавлял тайные богослужения, а после того как у духовенства был отобран антиминос, службы совершались на груди у архиепископа Петра. В наказание за совершение таинства крещения (крестил в Святом озере эстонку) владыка был отправ-

¹ «Святейшей» она называлась потому, что в ней отбывали наказание священники различных религий и верований.

лен на остров Анзер – шестое отделение лагеря, куда, по сути, увозили умирать тяжело больных и инвалидов. Арх. Феодосий представляет свое видение и трактовку этого трагического события.

С преосвященным Петром он был знаком еще по Москве, когда тот был иеромонахом-настоятелем Московского епархиального дома (1904–1905 г.). На Соловках владыка Петр, поступив в каптерку первого отделения (Кремль), «повел дело широко: приемы заключенных, беседы, ужины» (93). «Счетоводом он был плохим, да некогда было и работать» (93). По доносу диакона Лелюхина владыку перевели в пятую роту. Тот же Лелюхин бесцеремонно выкинул вещи вл. Петра на панель – «это был неслыханный на Соловках скандал» (93). После этого скандала архиеп. Петр «был отправлен в шестое отделение на командировку “Троицкая” – она была штрафной» – за организацию в концлагере общения и помощи среди заключенного духовенства.

Сам арх. Феодосий в январе 1929 г. был переведен счетоводом в хозяйство шестого отделения. На Соловках уже царил голод, начал свирепствовать тиф, поэтому водворение в хозяйство стало для него спасением – «был сыт <...>, квартира была суха, тепла, просторна и народ хороший». Работая счетоводом, арх. Феодосий был в курсе «количества жертв, больничных беспорядков и преступлений на Голгофе», так как ведал учетом и распределением пайков и продуктов по всему шестому отделению. Вследствие большого количества смертей (за восемь месяцев от тифа погибло до 500 человек) развился «целый промысел», связанный с наживой «посредством кражи и распродажи имущества и денежных квитанций» умерших (92). Кроме того, по утверждению арх. Феодосия, комендант Борисов и командир второй роты Голгофы Шмидт «умышленно, посредством тайных ядовитых укусов отправляли на тот свет тифозных и именно тех, от которых можно было поживиться» (92).

Заразился тифом и вл. Петр (Зверев). Благодаря доктору, который посвятил больному владыке «все силы, знания и лекарства», архимандрит был в курсе хода болезни; с радостью узнал он о том, что кризис миновал и появилась надежда на выздоровление. Однако 7 февраля 1929 г. – на праздник любимой им иконы «Утоли моя печали» – владыка скончался. Арх. Феодосий полагает, что архиеп. Петра (Зверева) «убили отравой» (отравили) в корыстных целях – чтобы воспользоваться его имуществом: «...он был убит – несомненно» (95).

Для погребения вл. Петра из «Кремля прислали мантию, омофор, крест и пр.» (101). В строительном подотделе были заказаны гроб и намогильный крест. Однако «не разрешено было громкое отпевание и в облачении»; мало того, было приказано тело усопшего владыки бросить без отпевания в «свалочную яму»¹, уже доверху наполненную телами, – со «шпаной». «Отпевание совершили заочно утром в канцелярии хозяйственной части и повезли гроб с крестом на Голгофу. Действительно, могила общая не была закрыта и уже почти готова была особая могила для погребения архиеп. Петра. Его священ-

¹ В такой «свалочной яме человеческих тел» погребалось до 30 трупов (И. Зайцев).

ные останки лежали в длинной рубахе у края общей могилы. Изъять его оттуда было удобно, что мы и сделали. Плюнув на все запретительные меры начальства, торжественно облачили Владыку в монашескую мантию и клобук, одели омофор, пояс, дали в руки крест, четки, Евангелие и громко совершили отпевание. Собралось до 20 человек (и Янчевский), произнесли речи, опустили священные останки в могилу, водрузили крест, впоследствии сделали надпись на нём и разошлись восвояси рыдающе и бия себя в грудь (Лк. 23, 48). Вечная память замученному большевиками! Он умер 53-х лет» (101–102).

Воспоминания о пребывании на Анзере и описание Секирки являются самыми трагическими в книге арх. Феодосия. Ему самому пришлось пройти через ужасы заключения в Кирилловской зоне среди «шпаны», на «мертвом пайке», изнемогать от голода, страдать от грязи и вшей; пережил он и штрафную командировку на Капорке.

Об ужасах, преступлениях, расстрелах в штрафном изоляторе на Секирной горе упоминается почти во всех воспоминаниях соловецких узников. Арх. Феодосий также пишет о самом страшном месте на Соловках, но основываясь уже не на личном опыте, а рассказах очевидцев (Якубовского, Титова). Так, Якубовский поведал ему том, как за невыполнение урока зимой четыреста человек были выведены в одном белье на мороз, всем приказали лечь на снег: «Многие замерзли. Многие отморозили себе руки, ноги». Изувера-начальника, виновного в этом зверстве, расстреляли, но «причина расстрела, конечно, в том, что виновные без нужды искалечили даровую рабочую силу» (97). Человек превращался в рабочую скотину, причем в прямом смысле этого слова. При заготовке дров посылали ВРИДЛО (временно исполняющий должность лошади) – вместо лошади в сани запрягали пять человек. Группа заключенных «должна была выполнить норму 1 лошади»¹. Обессиленных, больных, уже бесполезных, с точки зрения лагерного руководства, «списывали» – отправляли в шестое отделение, где «почти не кормили и даже “мертвый паек” выдавался не полностью, ибо инвалиды неспособны к работе» (97).

На Секирке штрафников в первое время на работы не посылали, кормили «совсем худо – гнилью и в малом количестве» (98). Днем сажали на «жердочки»: «“жердочка” зимой прямо не переносима, ибо крыша... с дырами, а окна разбиты» (98); ночью «спали на голом полу, без одеяла, без покрывки». «Три четверти арестантов оттуда выходят вечными калеками».

Конечно, некоторые заключенные пытались вырваться из соловецкого ада. Арх. Феодосий упоминает, без подробностей, о побеге из восьмой роты нескольких морских офицеров в августе-сентябре 1928 г. Пишет он об этом только понаслышке, но твердо знает, что «этих не поймали». Следует отметить, что к белому офицерству архимандрит не испытывал ни сочувствия, ни симпатии, потому что многие из бывших белогвардейцев, не принимавших участия в гражданской войне, надеялись «спокойно при новом строе доживать свои дни, а то и поработать для славы новых порядков». Это рас-

¹ Во отце океана моря. С. 236.

ценивается арх. Феодосием как предательство. Без сожаления сообщает он о расстреле трех тысяч человек: «... большевики, не желая их услуг, всех расстреляли – “по делам вору и муки”» (104).

После побега морских офицеров с Соловецкого острова начались массовые расстрелы. Один из известных произошел 29 октября 1929 г. Об этом арх. Феодосий, скорее всего не знал, так как в июле 1929 г. его «разгрузили» – «разгрузочной» комиссией из Москвы этап из шестисот инвалидов переправили в Кемь. Пройдет немного времени, и сам арх. Феодосий вырвется на свободу и поведаст миру о зверствах большевиков.

Почти одновременно с арх. Феодосием (Алмазовым) воспоминания о Соловецкой каторге оставит бывший генерал-майор Генерального штаба И.М. Зайцев¹. Отношение арх. Феодосия к его книге будет неоднозначным. С одной стороны, он признает, что генерал Зайцев описал «соловецкую каторгу с исключительной правдивостью и беспристрастием», с другой – со свойственной ему резкостью, арх. Феодосий критикует «плаксивый тон» книги и видит в этом «стремление разжалобить старую проститутку Европу величиной и глубиной неизмеримых страданий русского народа. Идеалистические побуждения старой проститутке чужды...» (105). И тем не менее книгу Зайцева о «страданиях русского народа в Соловках» арх. Феодосий считает, и не без оснований, «замечательной, правдивой в высшей степени». Это воспоминания о «мучениках христианской культуры – лучших людях истории» (107).

«Их боль беспросветную сотни лет не избыть...» (Евг. Матвеев). Арх. Феодосий надеется, что «потомству останутся подробные... записки», и уверен, что «историк всем воспользуется» (15). Ценными становятся сведения о каждой личности, прошедшей путь мученичества и исповедничества в советской России.

Обращение к прошлому неизбежно, и обращение это неизбежно приводит к осмыслению важнейших событий собственной и общественной жизни. По-разному одни и те же факты предстают в воспоминаниях, записках, мемуарной литературе. Это вполне естественно, так как взгляд у каждого свой, субъективный. И это на самом деле хорошо, так как помогает не только сломать привычные стереотипы – исторические, культурологические, – но и найти истину. «Ушедшие оставляют нам часть себя, чтобы мы ее хранили, и нужно продолжать жить, чтобы и они продолжались. К чему, в конце концов, и сводится жизнь, осознаем мы это или нет. Мы – это они...»²

Сведения об авторе:
Маргарита Михайловна Лоевская,
доктор культурологии

¹ *Зайцев И.М.* Соловки. (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений: В 2 ч. (С приложением четырех планов). Шанхай: типография изд-ва «Слово», 1931.

² Из речи И. Бродского, произнесенной на вечере памяти Карла Проффера (Beinecke, Vox 29, Folder 8).

профессор
факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Margarita M. Loevskaya,
Doctor of Cultural Studies
Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
mloevskaya@mail.ru